

УДК 93
ББК 63.3
В 75

Воронов В.

В 75

Продать и предать. Новейшая история российской армии / Владимир Воронов. – М. : Алгоритм, 2014. – 256 с. – (Меч Империи).

ISBN 978-5-4438-0765-2

Автор этой книги Владимир Воронов – российский журналист, специализирующийся на расследовании самых громких политических и коррупционных дел в стране. Читателям известны его острые публикации в газете «Совершенно секретно», содержавшие такие подробности из жизни высших лиц России, которые не могли или не хотели привести другие журналисты.

В своей книге Владимир Воронов разбирает наиболее скандальное коррупционное дело последнего времени – миллиардные хищения в Министерстве обороны, которые совершались при Анатолии Сердюкове и в которых участвовал так называемый «женский батальон» – группа высокопоставленных сотрудниц министерства.

Коррупционный скандал широко освещается в СМИ, но многие шокирующие факты остаются за кадром. Почему так происходит, чьи интересы задевает «дело Сердюкова», кто был его инициатором, а кто, напротив, пытается замаять скандал, – автор отвечает на эти вопросы в своей книге.

УДК 93
ББК 63.3

ISBN 978-5-4438-0765-2

© Воронов В., 2014
© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

ОТ АВТОРА

Вряд ли кто оспорит утверждение, что армия в России — одна из фундаментальных основ нашей государственности. Именно от нее не раз и не два зависело, быть ли нашей стране вообще. Не говоря уже о том, что вряд ли у нас есть семья, в той или иной степени не соприкасавшаяся с армией — кто-то служил или служит, воевал, погиб на войне. Поэтому даже человеку, совершенно далекому от военного дела, сложно быть совсем уж равнодушным к тому, какая у нас армия ныне и какой она должна быть...

Отсюда и главный «армейский» вопрос, которым многим задаются все последнее десятилетие: отчего военное реформирование в нашей стране никак не может вырваться из тупика? Что (или кто) мешает этому? Почему у нас и по сей день нет армии современной — в полном смысле этого слова — и в полной же мере отвечающей задачам и потребностям России?

Каждой эпохе присуща своя армейская конструкция. Советская армия своему времени соответствовала. Не секрет, что Российская армия по сути — клон советской, унаследовавший ее доспехи: советское вооружение, советские доктринальные установки, советские военные кадры — с их советским же военным мышлением, системой воспроизводства и комплектацией. Увы, но и по сей день попытки использовать советскую военную машину в совершенно иных условиях больше напоминают поползновения дистрофика облачиться в совершенно неподъемные для него доспехи былинного богатыря, к тому же еще изрядно поржавевшие.

Можно ли вообще успешно реформировать урезанный клон советской военной машины, доставшийся нам в наследство от ушедшей эпохи? И возможно ли достичь желаемого путем лишь чисто механических и количественных сокращений или грандиозных финансовых вливаний? И, главное, позволительно ли хоть что-то реформировать, сделав разменной монетой судьбы сотен тысяч ветеранов военной службы (и их семей), отдавших десятки лет своей жизни ратному служению своей стране?

Вопросов масса. Но эта книга — не фундаментальное исследование, дающее готовые ответы на них, а лишь зарисовки с натуры, сделанные в режиме реального времени. Фрагменты мозаики, сложив которые, каждый сам может попытаться представить картину того, что происходило с военным организмом и вокруг него на протяжении последнего десятилетия.

Часть I

ПОЛНЫЙ АУТСОРСИНГ

СЕКРЕТНЫЙ БИЗНЕС-ПЛАН СЕРДЮКОВА

Действо, для вящей конспирации обозначенное как «реформирование вооруженных сил», когда-нибудь, быть может, назовут именем его вдохновенного реализатора. А что, «сердюковщина» — это звучит гордо, разве нет? Да и не первым будет — история нашего государства знает таких ретивых руководителей ведомств, которые в своем рвении зашли столь далеко, что их имена стали нарицательными. Тоже в общем неглупые люди были, исполнительные...

Сага о заветном миллионе

О военной реформе твердят больше четверти века — с тех самых пор, как выяснилось, что армия нашему государству не по карману: военный организм сжирал не менее 13 процентов валового внутреннего продукта (ВВП) страны. Уже Маршалу Советского Союза Дмитрию Язову предлагали подумать об армии, имея в виду ее удешевление. Дмитрий Тимофеевич успел даже отрапортовать о завершении каких-то перемен. В 1992 году реформой занялся тогдашний глава Минобороны Павел Грачев. Под реформированием подразумевалось все то же: латание чудовищной бюджетной брешки, которую пробивали расходы на армию. Выход нашли один-единственный — сокращение. Кое-каких успехов на этом фронте министр достиг: если в 1992 году в Вооруженных силах РФ служили 2,8 миллиона человек, то на 1 января 1996-го — 1,7 миллиона. Кремль рассчитывал урезать еще, но тут Грачев уперся.

А потом пришло время реформы по-путински. На совещании в Совете безопасности России 27 сентября 2000 года Владимир Путин обрушился чохом на всех силовиков: «Свыше 35 процентов расходной части бюджета Россия тратит на военные ведомства и министерства... Не можем твердо и уверенно сказать, к сожалению, что эффективно тратим деньги государства и деньги налогоплательщиков... Мы плохо представляем себе реальные размеры этой машины». Но «никакого механического сокращения быть не должно», — все же добавил Верховный. Однако уже на другой день начальник Главного организационно-мобилизационного управления Генштаба ВС РФ генерал-полковник Владислав Путилин заявил: Вооруженные силы сократят. Причем решили не мелочиться — замахнуться сразу на 600 тысяч человек, о чем и поведал Сергей Иванов, тогдашний секретарь Совета безопасности. По сути, Кремль анонсировал намерения довести к 2003 году численность вооруженных сил до 800—850 тысяч человек.

В конце 2001 года Путин одобрил «проведение мероприятий по поэтапному переходу к комплектованию части Вооруженных сил России на контрактной основе вместо призывной». А в мае 2002-го вновь заговорили о магическом миллионе: мол, если за три года сократим до него, все проблемы сами собой рассосутся. Тогда же правительство выделило 2 миллиарда 673 миллиона рублей на эксперимент по переводу 76-й воздушно-десантной дивизии на контрактную основу. Но 2 октября 2003 года Владимир Путин заявил: «С 1992 года Вооруженные силы были сокращены более чем в два раза... Достаточно!» Однако в декабре 2005-го высшая власть вновь возвестила: в России началась военная реформа. И опять заявлено о сокращении до того же заветного миллиона, до которого якобы уже досокращались! Но когда анонсировали уже реформу «по-сердюковски», оказалось: за предыдущие годы — при министре Сергее Иванове — «оптимизировать» удалось лишь 34 тысячи человек в погонах.

Первый звездопад

Когда Анатолия Сердюкова, человека даже не гражданского, а вызывающе штатского, назначили министром обороны, к его колоритной фигуре присматривались с усмешкой. Поначалу даже шутили, что если после Павла Грачева с министерством обороны в состоянии управиться даже прапорщик, то уж после Сергея Иванова — каждый мебельщик.

Дошутились: стали просачиваться сведения, что специально обученные и назначенные сотрудницы по приказу министра вынуждают работников центрального аппарата МО заниматься самоотчетами и самохронометрированием использования рабочего времени. На что этого самого времени уходило много больше, чем на управление войсками и написание директив. Все это до боли напоминало проводимые в западных школах бизнеса занятия для младших менеджеров по подготовке «оптимизации» — увольнению грузчиков, такелажников и младших продавцов.

Размах же последовавших затем кадровых перемен в военном ведомстве поражал масштабностью и стремительностью: даже и на войне генералов так не выкашивало. Были заменены все заместители министра обороны, иных и вовсе меняли по несколько раз. Непотопляемы оказались лишь те, кого сложно было обвинить в военном профессионализме — Николай Панков и Любовь Куделина, внедренные на оседание в МО еще в 2001 году. *(Николай Панков и поныне там, а Любовь Куделину лишь в апреле 2009 года заменят на безликую Веру Чистову, курировавшую до того в Минфине финансирование силовых структур и ВПК. Но та задержалась ненадолго — в 2010 году ее поменяли на Татьяну Шевцову, прошедшую, можно сказать, бок о бок с Анатолием Сердюковым путь от питерской налоговички до замруководителя Федеральной налоговой службы — того же Сердюкова.)* Летом 2008-го одновременно и практически полностью сменено руководство Генерального штаба — сам начальник Генштаба (НГШ), почти все его замы, руководители ряда управлений, направлений, отделов. В одночасье был уволен начальник тыла Вооружен-

ных сил. Назначены новые начальники всех главных управлений МО, попутно, разумеется, зачищены и низовые звенья этих структур. Новым командованием обзавелись Служба расквартирования и обустройства и Железнодорожные войска. Заменены главнокомандующие Сухопутных войск, ВВС и ВМФ, командование ВДВ и Космических войск. Командующие войсками сменены во всех шести военных округах — Московском, Ленинградском, Северо-Кавказском, Приволжско-Уральском, Сибирском и Дальневосточном. Сменено командование и всех четырех флотов — Северного, Балтийского, Черноморского и Тихоокеанского — на первых порах пожалели лишь Каспийскую флотилию...

И лишь одноразовой заменой не обошлось: на ряде ключевых постов за это же время сменилось несколько руководителей. Но когда за год-два начальники со страшной силой меняются несколько раз, о какой дееспособности можно говорить? Скажем, Главное управление боевой подготовки непрерывно трясло аж с 2004 года, когда в знак протеста против политики тогдашнего министра обороны Сергея Иванова подал в отставку начальник этого управления, генерал-полковник Александр Скородумов. В 2005 году ему на замену прислали генерал-полковника Александра Герасимова, но уже на следующий год его сменил генерал-лейтенант Владимир Лукин. Едва-едва тот освоился, как в ноябре 2007 года и его поменяли — на генерала Владимира Шаманова. Пока последний после семилетнего отрыва от армии вникал в дела структуры, ему ранее малознакомой, грянула война с Грузией. Четвертый начальник за четыре года — до боевой ли подготовки было с такими «рокировочками»?!

Вот и начальник связи Вооруженных сил (он же и заместитель начальника Генштаба) к моменту объявления «реформ» был уже третий за последние три года. Начальник вооружений — тоже третий: в апреле 2007 года генерала армии Алексея Московского заменили сначала генералом Николаем Макаровым, а когда последнего двинули на Генштаб, то главным вооруженцем стал генерал-полковник Владимир Поповкин, возглавлявший до того космические войска.

В ВВС едва ли не полное обновление высшего комсостава произвели в мае 2007 года. Сменили не только Главкома, но и всех его замов, начальника Главного штаба и командующих армиями ВВС и ПВО. Главному штабу ВВС вообще не повезло: когда в начале 2007 года генерал-полковник Борис Чельцов, его тогдашний начальник, заявил, что военная доктрина России устарела, его сняли. Но и сменивший Чельцова генерал-полковник Игорь Хворов долго не просидел, слетев после грузинской войны...

Не обошлось и без человеческих потерь: 21 февраля 2008 года после разговора с министром Сердюковым в своем кабинете застрелился и.о. начальника Службы расквартирования и обустройства Минобороны генерал-полковник Виктор Власов. Сколь ни плохи были бы квартиры, но если их меняют как перчатки, а они стреляются — до обустройства ли войск им?

Каждая из этих «рокировочек» влекла за собой настоящую кадровую лавину, вынесшую наверх одних и погребшую других командармов, комкоров, комдивов, комбригов и т.д., и т.п. Навскидку, только по официальным сообщениям, с февраля 2007-го по декабрь 2008 года произошло свыше сотни перемещений в звеньях действительно значимых и ключевых. Перемен для такого краткого промежутка времени как-то уж многовато, чтобы говорить о ротации и даже приливе «свежей крови»: обновление кадров столь кардинально, что впору говорить не о текучке кадров, а о трясушке и даже чистке.

И вряд ли стоит сомневаться, что значительная часть тех «рокировочек» болезненно сказалась во время войны с Грузией, когда нормальное управление войсками было дезорганизовано почти до состояния хаоса.

НГШ на арене цирка

Чего греха таить, народонаселение РФ, согласно опрочечивым наблюдениям автора, к народонаселению Арбатского военного округа относится с некоторым предубеждением. Потому намеки на то, что генералов и полковников

собираются «оптимизировать» точно так же, как грузчиков, такелажников, кладовщиков и младших продавцов сетей супермаркетов, вызвали поначалу лишь глумливые ухмылки. Намеки же на возможность основательной хирургической операции, выходящей за рамки генеральского звездопода, всерьез не воспринимались: мальчик столько раз кричал «волки, волки!», что веры ему уже нет — о сокращении армии до магического миллиона с завидным постоянством талдычат аж с 2000-го, а воз... пардон, БМП как бы и ныне там.

И вдруг грянуло 14 октября 2008 года: Анатолий Эдуардович наконец анонсировал грандиозный бизнес-проект, лаконично уложившийся всего в три емких пункта: общее сокращение численности вооруженных сил, сокращение офицерского состава и, главное, зато теперь у нас все будет в шоколаде. Экспертных суждений по поводу новации сразу появилось много — аж целых два. Одни привычно твердили про происки «мебельщика», разваливающего прекрасную армию и разгоняющего «уникальный» коллектив высочайших профессионалов. Другие, напротив, были согласны: сокращать надо, поскольку положение просто нетерпимо и уже невозможно содержать смердящий труп советской армии, облепленный навозными мухами.

Но в целом тогда воцарилась удивительная тишина, лишь изредка нарушаемая отдельными чинами МО, из невнятных разъяснений которых следовало, что уволят две трети офицеров — из 355 тысяч, ликвидируют институт прапорщиков и подавляющую часть военно-учебных заведений. Снимут погоны с военных врачей — пусть оперируют раненых в рамках трудового законодательства и в рабочее время. Еще пригрозили ополовинить мозг военного организма — штабы, включая Генеральный. Пообещали расформировать полки и дивизии, перейдя на бригадную систему.

Офицерам — тем, кто выживет после реформы — обещали фантастические оклады. Как изыщут деньги? За счет тех, кого выкинут на улицу без выходных пособий, пенсий и жилья? Такой вывод можно было сделать из вялых реплик начальника Генштаба: государство перекладывает реше-

ние социальных вопросов на плечи самих офицеров, изгоняемых из армии. Вот и вся «реформа». По сути, одной части офицеров было предложено съесть другую. Что же это за сверхзадача, ради которой государство готово на такой опасный социальный эксперимент?

Молчали все первые лица государства, один из которых и Верховный главнокомандующий, и председатель Совета безопасности, другой — в недавнем тоже Верховный, а на момент начала «реформации» — премьер и ведущий член СБ. Истолковать это иначе, как молчаливое одобрение, невозможно. И как свидетельство, что масштабные преобразования были исключительно в компетенции самого министра: твори, что хочешь. Ну, а не получится — тебе же и отвечать. Потому как язык не поворачивается вымолвить, что тут сокрыто явное желание списать возможные издержки на формального инициатора реформ. Тем паче, драматическим искусством держать многозначительную паузу один из персонажей в совершенстве владеет со времен спецоперации «Не могу дозвониться до Генерального прокурора». Свое затянувшееся молчание президент прервет лишь полгода спустя, выступив 17 марта 2009-го на расширенном заседании коллегии МО, где о сути и смысле реформ не скажет НИ-ЧЕ-ГО!

Специально проштудировал тогда подшивки ряда ведущих изданий — тишина почти гробовая. Кое-что, конечно, было, но на фоне масштабности начинания общее количество публикаций оказалось поистине мизерно, да и те в своей массе ни глубиной анализа, ни информативностью не блистали. О реакции офицерской среды на анонсированные перемены ни слова, словно офицеров уже и за людей не считают — расходный материал. На кону же судьбы нескольких сотен тысяч человек, перспективы которых на гражданке, мягко говоря, туманны. У них семьи, это еще сотни тысяч — острейшая социальная проблема! И об этом ни слова. Или молчание выражало общее недоумение: да что происходит-то, зачем?! Хотя, конечно, вменяемые коллеги-журналисты ряд нестыковок уже выцелили: «Секретный бизнес-план министра Сердюкова», «основные положения военной рефор-

мы не ясны даже генералам», «реформа остается непонятой в офицерской среде», «ответов на вопросы, зачем и почему, нет до сих пор». В самом деле, ответьте, куда плыть собираются и с кем воевать, где враг потенциальный?

Ведомственные СМИ вообще воды в рот набрали. «Красная звезда», официальный орган МО, за все время умудрилась выдать на гора пятерочку заметулек, в которых по существу дела ничего! Управление пресс-службы и информации МО выкладывало на сайт ведомства полнейшую лабуду: ничего конкретного о том, как будет происходить реорганизация, кого она затронет, что с ними будет. Создали, правда, пустой и бессодержательный раздел «О новом облике Вооруженных Сил Российской Федерации»: новый облик, что это — новый макияж?

Внимание привлекли лишь сводки, что высокопоставленные чины МО разъехались по округам разъяснять «позицию министерства обороны по реформированию Вооруженных Сил»: «С разъяснением проводимой в военном ведомстве работы по выходу на перспективный облик Вооруженных сил РФ выступил руководитель комплексной группы, начальник Генерального штаба генерал армии Николай Макаров...». Экзотика небывалая: решения верховной власти доводятся до офицеров лично начальником Генштаба! Что, с управляемостью армии полный швах или «разъясняют» такое, чего и командир части не в силах подчиненным вымолвить?

Все, что мы тогда слышали, даже не план реформирования — бессистемный набор туманных фраз. И никаких обоснований, внятной аргументации, расчетов — если они вообще велись, хотя бы и на круглой коленке главного военного финансиста. Больше всего это походило на пиар-акцию, о которую не стали мараться первые лица государства, но для подкрепления которой по должности назначен крайний — начальник Генштаба. Он и воспроизводил послы своего шефа, механически и без эмоций, хотя говорил о сослуживцах, которых уже списал. То, что публично вещал начальник Генштаба, не заслуживает даже краткого изложения — просто голословный бред, в чем мог убедиться каждый — интервью

размещались на сайте МО. Но ведь начальник Генштаба — не попугай, он не может позволить себе пустые и безответственные заявления. В аналогичной ситуации его предшественники советских времен, маршалы Ахромеев и Огарков, незамедлительно подали бы в отставку. Генерал Макаров не подал. Зато, «разъясняя», подписал директиву «О недопущении разглашения сведений о реформировании Вооруженных сил РФ» (Пресс-служба МО пыталась было опровергнуть наличие этого документа, но вяло). Что скрывают?

Кадры решают все

Логика иных кадровых решений была вообще необъяснима. Скажем, назначили главным вооруженцем генерала Владимира Поповкина. Конечно, в космодромах и орбитальных группировках он спец, но от проблематики авиационного или артиллерийского перевооружения все же космически далек.

Еще более странно смотрелся в качестве начальника Главного управления боевой подготовки и службы войск генерал Шаманов. Он, конечно, Герой России, но за семь лет пребывания «на гражданке» сильно оторвался от армии. Зато опытный вояка? Только опытом каких современных войн владел тогда наш герой — пары чеченских кампаний, карательных и по всем меркам локальных. Да и репутация у Владимира Анатольевича своеобразная. Покойный ныне генерал Геннадий Трошев красочно описал, как Шаманов буквально лаялся с командующим войсками СКВО генералом Казанцевым, поливая старшего начальника нецензурщиной! А уж с подчиненными и вовсе не церемонился: «Меня внутренне корбило, — писал Трошев, — когда слышал обиды офицеров на Владимира Анатольевича: он мог запросто оскорбить, унизить, обматерить (причем прилюдно)». Диагноз, однако! Еще Трошев вспоминал, как группировка генерала Шаманова «все громит на своем пути», не считаясь с собственными потерями: никаких искусных маневров — в лоб, напролом! В свое время даже Аслан Масхадов не удержался от ехидной реплики в адрес своего противника: «В са-

мом начале войны генерал Шаманов заявил: через две недели напою коня в реке Аргун... До реки Аргун максимум 40 — 50 километров. Кто читал боевой устав, тот знает, что такое наступление, и если бы он, как положено, наступал, находясь в непосредственном соприкосновении с противником в темпе трех километров в час, то должен был достичь Аргуна за двенадцать часов. Генерал Шаманов наступал два месяца и две недели, имея стопроцентное превосходство в воздухе, с огромным количеством бронетехники, вплоть до применения ракетных войск, против наших гранатометчиков и пулеметчиков». Какие перспективы, такие и кадры? Или это назначение — признание факта столь глубокой деградации армии, что с ее боевой подготовкой уже запросто управится генерал, давно не служивший в строю и с весьма специфичным опытом?

Некоторые новоиспеченные военачальники и вовсе не имели представления ни о военной службе, ни о деле, за которое им предстояло отвечать. В ноябре 2008 года Сердюков обзавелся новым замом, призванным курировать в Вооруженных силах вопросы развития информационных технологий и связи — Дмитрием Чушкиным. Образование вроде бы относительно соответствовало предназначению — диплом Уфимского авиационного института по специальности «Системы автоматизированного проектирования». Только трудился будущий повелитель генералов в отрасли, далекой от специализации — в налоговой инспекции. Утверждали, что армии пригодится его опыт налоговика, поскольку и в налоговой он-де курировал информатизацию. Но информатизация мытарей и военных это, как говорится, две большие разницы!

Симптоматичны оказались и некоторые другие назначения. В июле 2008 года с должности начальника Главного оперативного управления (ГОУ) — заместителя начальника Генштаба — «попросили» генерал-полковника Александра Рукшина. Если Генштаб — «мозг армии», то его оперативное управление — главная часть этого мозга. Обезглавливание ГОУ тут же аукнулось во время грузинской войны, когда Генштаб не смог ни боевые действия спланировать, ни управ-

ления войсками отладить. Вместо Рукшина во главе ГОУ поставили генерал-майора Сергея Суrowикина, ранее командовавшего 20-й общевойсковой армией. Послужной список нового назначенца казался вроде бы впечатляющим: Афганистан, Таджикистан, Чечня, контузия, три ранения, три ордена Мужества... Однако несложно было узнать, что генерал, как оказалось, так и не прошел всех положенных ступеней армейской лестницы и на должностях окружного уровня не служил. К числу серьезных штабистов его также не относили. Да и реальный командный опыт ограничивался командованием дивизией — на армии Суrowикин «сидел» всего полгода. Да и по предыдущим ступенькам проскакал стремительно: после дивизии всего за три года отметился как заместитель начальника штаба армии, начштаба, командарм, и сразу же начальник ГОУ! Геройскими подвигами и орденами взлет на такую штабную высоту не объясним, равно как и заслугами на строевом поприще. Про таких стремительных в армии обычно говорят: «его ведут», намекая на «мохнатую лапу». Как еще объяснить, что карьере новоиспеченного начальника ГОУ не повредили ни специфическая репутация, ни тянувшийся за плечами целый шлейф скандалов? Впервые Суrowикин «прославился» будучи комбатом, когда во время августовского путча 1991 года БМП его батальона задавила троих человек. После краха ГКЧП Суrowикин несколько месяцев провел в «Матросской Тишине». Освободили и даже повысили в звании, как утверждают, по личному указанию Ельцина. Позже направлен на учебу в Военную академию имени Фрунзе, где снова влип в неприятное дело: в сентябре 1995 года военный суд Московского гарнизона признал Суrowикина виновным в пособничестве в приобретении, сбыте и ношении огнестрельного оружия и боеприпасов, приговорив к году лишения свободы условно. Позже судимость вроде бы сняли, посчитав, что слушателя военной академии подставил преподаватель, якобы попросивший его передать коллеге с другого курса пистолет. Так или иначе, потом Суrowикина сплывили с глаз долой и подальше от Москвы — воевать в Таджикистан. Вновь его имя громко

прозвучало, уже когда он стал командиром 34-й мотострелковой дивизии. Там у генерала была репутация «железной руки», но именно с его назначением дивизия регулярно стала фигурировать в сводках, связанных с мордобоем, убийствами и самоубийствами. То офицеры солдата насмерть попытают, то в избиении уже офицера обвинят самого генерала. В марте 2004 года в военную прокуратуру обратился подполковник Виктор Цибизов, утверждая, что его избил командир дивизии генерал-майор Сергей Суровикин — за то, что на довыборах в Госдуму подполковник голосовал «не за того» кандидата. Дело получило огласку, но его замяли. А спустя месяц — новое ЧП: после учиненного генералом хамского разноса прямо в его кабинете застрелился полковник Андрей Штакал. И это дело замяли, перевели генерала в Чечню — командиром 42-й мотострелковой дивизией. Но и там у комдива ЧП: 21 февраля 2005 года под рухнувшей стеной птицефабрики погибли девять бойцов-разведчиков, трое тяжело ранены. Официальная версия: боевики выстрелили из гранатомета. Генерал Суровикин тогда перед телекамерами поклялся, что за каждого погибшего бойца уничтожат троих боевиков. И ведь знал же комдив, что боя не было, напились вояки, и кто-то из них выстрелил внутри помещения из гранатомета! Но и это ЧП генералу не повредило, вновь повысили. Так и доповышались. Впрочем, Анатолию Сердюкову такой жесткий стиль должен был импонировать... (В конечном счете, ГОУ ГШ генерал Суровикин, видимо, так и «не потянул», и в январе 2010 года его отправили в Екатеринбург — начальником штаба Приволжско-Уральского военного округа, ныне он в Хабаровске — начштаба — первый заместитель командующего Восточным военным округом. — *Авт.*)

Любая реорганизация вооруженных сил — всегда дезорганизация и кровопускание. Но когда это накладывается еще и на ускоренное кадровое «обновление», неизбежна потеря управляемости. И в состоянии такой нестабильности и дезорганизации военный организм находится уже давно. При таком раскладе человек в погонах озабочен вовсе не службой. Все мы люди, все человеки, все думаем о